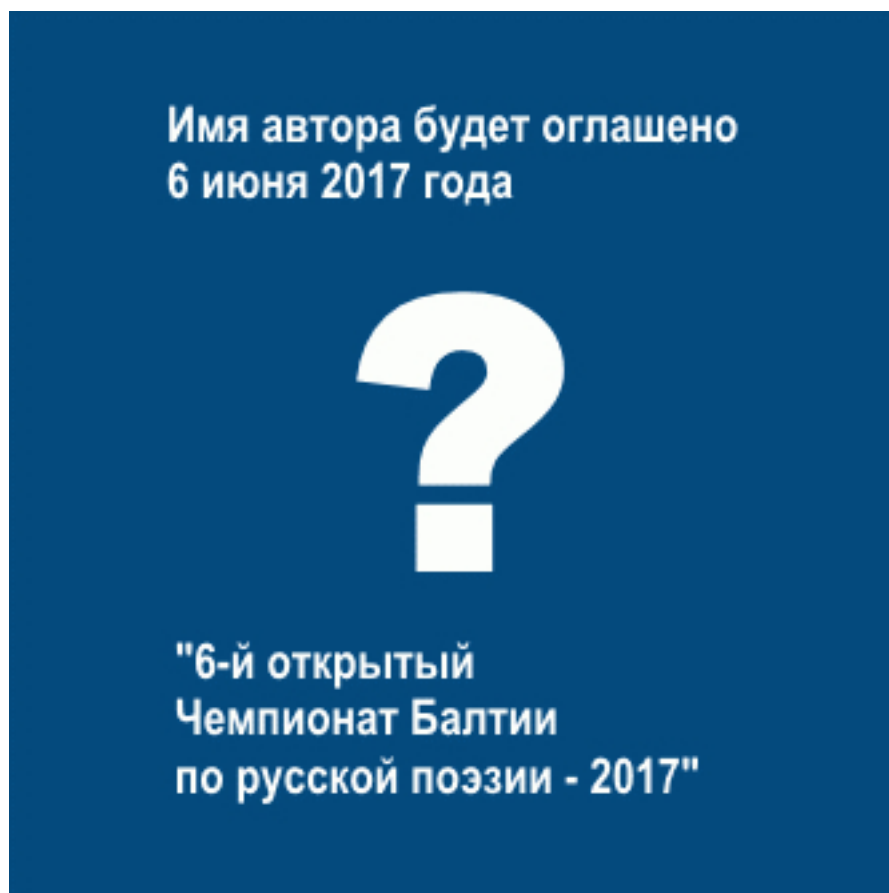

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

Истопник

Райбольница. Вечер изъеден молью.
Печь хрустит дровами. – Иных забот
истопник, «юродивый» дядя Коля,
не имеет вот уж который год.

«Был ракетчиком...»,
«Рано не стало дочки...» –
говорят... «Как за́пил, жена ушла...»
Он живёт – почти Диогеном в «бочке» –
без обид, что фишка не так легла.

Как всегда, одетый не по погоде,
он идёт за дровами в продрогший двор
и поёт – во всю ширину мелодий –
просто рад, что жив и в работе спор.
Сам, как облако – смято-одутловатый...

В небе – след самолёта, как чистый бинт.
На крыльце контингент из 6-ой палаты
разбавляет матом больничный спирт. –
Не по-чеховски.

Всем им – какое дело
до горящих дров у него внутри?
Говорят, стучалась к нему – ...вся в белом,
только он ей двери не отворил.

Сосед

Мой угрюмый сосед недоверчив и сед.
У порога – запоя пустые «вещдоки».
Взял ружьё и – в тайгу. Он похож на Шойгу.
А служил он танкистом на Дальнем Востоке.

Он не верит в Творца. (Он – вчерашний пацан,
начинявший пистонами бабкины свечи).
Он по-прежнему ждёт, что отпустит- пройдёт,
но жену не вернёшь, и недели не лечат.

На вопрос: «Как дела?», он: «Как сажа бела!».
Не синица – в руках, так в кармане – чекушка.
Над погостом – грачи. И хоть вой, хоть кричи!
...он о чём-то спросил, и умолкла кукушка.

И тогда сгоряча... он лучинку луча,
сам не зная зачем, отломил от Светила...
и ушёл в облака, а по следу – тоска
всё бежала за ним и светила, светила...

Состав из Ромашково

Желторотое время – серёжкино, сашкино...
Баба Маша на Пасху печёт куличи.
В Простоквашино вышел состав из Ромашково.
Старый Печкин с артритом лежит на печи
и ворчит на Серёжку: «Эх, зелено-молодо!»

...вкус ворованной страсти (полвека назад).
– Вам письмо! – Заблудившийся в небе над городом,
адресат не вернётся.
– Ты слышишь? – Гроза.

То ли вечер потрёпанным флагом полощется,

то ли вечность раскинула крылья не в срок
над понурым горнистом, застывшим над площадью
под прицельным «обстрелом» настырных сорок.

Ну, какой в том резон, да и радости ради ли
всю, как есть, подноготную (небыль и быль)
разнесло по углам «сарафанное радио»? –
Не пора ли выбрасывать сор из избы? –

Пожелтевшие мысли (пустое-порожнее).
Спит кукушка. Настенное время молчит.
Баба Маша золу выгребает из прошлого.
Старый Печкин привычно ворчит на печи:
«Эх, Серёжка! Как смотрит на девочку сашкину!..»
Всё – сначала. В ложбинке подушки – слеза.

В полусне он увидел состав из Ромашково
и вскочил на подножку...
– Ты слышишь? – Гроза.

Олег Евгеньевич Понкин

СП